

В семье, в которых как в капле воды отражается эпоха. Непонятно только, как уцелели они в молотилке великих свершений — словно те, кто запускал этот ужасный механизм, в последний момент вдруг сжалились и отступили перед силой их духа и любви друг к другу. Со стороны эти люди редко кажутся счастливыми. На самом деле они больше чем счастливы — они самодостаточны. И способны позволить себе весьма дорогое удовольствие: всегда оставаться самими собой.

Мария Максакова — знаменитая оперная певица. Ее называли "Шалапиным в юбке". Казалось бы, любимица властей, трижды лауреат Сталинской премии, но вместе с тем невероятно одинокая женщина, потерявшая в 37-м году близкого человека и сама чудом избежавшая тюрьмы. Ее дочь, Людмила Максакова, — ведущая актриса Вахтанговского театра. Фильмы с ее участием стали классикой советского кино. Но после ее брака с иностранцем в карьере Максаковой началась черная полоса: даже ее фотографии исчезли из каталогов киностудий. Пока неизвестно, что уготовано судьбой для самой младшей Максаковой, тезки своей знаменитой бабушки. 23-летняя Маша делает свои первые шаги на оперной сцене. Но характер и волю эта девочка получила по наследству.

В 21 год Маруся уже пела в Большом.

— Режим на самом деле никакого отношения к человеку, к его совершенствованию, не имеет. "Любое время — время для всего", — сказал Шекспир, а ему можно верить. Люди жили, живут и будут жить при любых режимах: и при тоталитарных, и при демократических, — говорит Людмила Максакова. — Зато к судьбе имеет, — подает реплику с кресла ее дочь.

МАРИЯ

Прима с полотенцами

Это было в августе 74-го. Толпы народа заполнили площадь Дзержинского и Введенское кладбище. Москва хоронила Марию Петровну Максакову — знаменитую приму Большого театра. Когда гроб с ее телом уже опускали в землю, какая-то старенькая бабушка горестно воскликнула: "Прощай, Кармен!", бросила в могилу букетик красных гвоздик и... разрыдалась.

Кармен — любимая партия старшей Максаковой. Ее роль. Ее судьба.

— У мамы была трагическая жизнь. От начала до конца, — рассказывает актриса Людмила Максакова, — родом она из Астрахани, там феерические люди живут. Эта жизнестойкая порода, наверное, неистребима.

Отец Маруси Сидоровой управлял пароходством на Волге. Но после его смерти 27-летняя вдова — Марусина мама — осталась одна: без мужа, без денег, с 6 детьми. Маруся записалась певицей в церковный хор, принесла домой первый "гонорар" — 10 копеек. Девочка твердо поняла одно: надеяться ей, кроме как на себя, не на кого.

— Мамини братья, Эммануил и Игнатий, ушли на фронт в Первую мировую. И так получилось, что Эммануил за белых воевал, а Игнатий — за красных, — продолжает свой рассказ Максакова, — Эммануил умер в госпитале от гангрены. Его еще можно было спасти, ампутировать ногу, но он отказался: "Это что же, я не смогу танцевать мазурку?". Такие люди были в нашем роду.

В сентябре 1920-го в Астрахань приехал оперный баритон Максимиллиан Карлович Максаков. Он славился по всей России как создатель известной оперной труппы: "Пойду петь к Максакову!" — говорил не раз Иван Семенович Козловский. Со своими подопечными Максаков не церемонился: "Кашу жуете, ничего не слышу!". К этому "чудовищу" и попала 17-летняя Маруся Сидорова.

Его отношение к Марусе было скорее отношением учителя к ученице. Но однажды все перевернулось.

— Я сделаю из тебя великую певицу, — сказал молодой маэстро, предлагая девушке руку и сердце. Слово свое он сдержал. В 21 год Маруся уже дебютировала в Большом театре в "Аиде". Она пела партию Амнерис.

— Мама была очень стройной, а для оперной певицы даже тощей, — смеется Людмила Максакова. — Когда она выходила на сцену, то ее обматывали полотенцем.

Петелька на горле

В Москве супруги поселились в тесной и темной комнатке в одном из арбатских переулков. Потом получили две комнаты в коммуналке на Большой Дмитровке — и это было счастье. В 1935 году правительство построило в столице первый кооперативный дом для "артистов БДТ" — как раз напротив консерватории. Затем, по личному распоряжению Сталина, взносы за квартиры вернули обратно, а серая девятиэтажная громада в Брюсовском переулке стала государственной.

— Это был дом-эпоха, как я сейчас понимаю, — вспоминает Людмила Максакова, — всего было построено три таких дома для творческой интеллигенции: рядом с нами, по той же улице, жили артисты МХАТа. Дома строил знаменитейший архитектор Шүсев, он спроектировал 32 церкви, его почти причислили к лику святых. Но последним его творением стал Мавзолей...

Брюсовский переулок считался своеобразной артерией художественной Москвы. Как странно все в нем переплелось: люди, судьбы, история. Эту мостовую ежедневно топтали Сергей Есенин, Василий Качалов, Всеволод Мейерхольд, Зинаида Райх, Дмитрий Шостакович. И каждый мужчина, здороваясь с проходящей мимо дамой, обязательно целовал ей руку и снимал шляпу.

— В том-то и дело, что они тогда носили шляпы. Человека уважали... Еще Блок сказал, что будет читать, даже если в зале останется хоть один красноармеец, — продолжает свой рассказ Людмила Максакова, — и я думала, что так будет всегда. Вечно будет петь тетя Надя Обухова и тетя Тоня Нежданова. А дядя Ваня Козловский будет молчать и укутывать горло толстым вязаным шарфом. Все говорили, что он бережет голос. Но это было horrible уловок! — он просто ни с кем не хотел говорить, боялся людей. "Переулочек, переулочек, петелькой затянута..." — неожиданно горестно цитирует актриса.

Именно из этого переулка многих из них увозили по ночам на "черных воронках".

Повторит ли внучка великой примадонны ее судьбу?

МАТРЕШКИ

МАКСАКОВЫ

Людмила и Петер неразлучны почти три десятка лет.

Крестница Сталина

В 1933 году Максаковой — самой молодой из оперных певиц — было присвоено звание заслуженной артистки республики.

Каждый день, со всех концов Союза, почтальоны приносили маме мешок писем. Она садилась в кресло и, аккуратно разрезая конверты, читала каждое. Ни одно не оставляла без ответа. И это тоже было уважением к человеку. А еще у мамы был безукоризненный вкус. Но она никогда не выплескивала на других то, что было у нее в душе. Беды, горести, интимные переживания — это для дома.

Мария Петровна была прекрасной драматической актрисой, с легкостью выходила она из любой ситуации на сцене. Однажды на спектакле "Кармен" у нее сломался каблук. Певица, ничуть не смутившись, сбросила туфли и допела акт босиком.

Максимиллиан Карлович к старости стал глуховат и придирчив. Но неизменно посещал все спектакли жены. Если оставался недовольным, шел за кулисы и раскатило объявлял: "Мура, ты переживала и плохо пела!" И дирижеру: "А у вас, уважаемый, сегодня была не "Кармен", а кислые щи!"

Максаков мог часами восседать за роялем и "дрессировать" супругу: "Мура, давай снова все повторим!". И прима Большого театра в который раз заводила: "У любви, как у пташки, крылья..."

О смерти мужа Марии Петровне сообщили во время спектакля "Царская невеста". Она допела партию Любаша до конца и уехала, только после того как опустился занавес.

Замуж она так больше никогда и не вышла. Ее следующий роман с тогдашним послом СССР в Польше Яковом Дафтанном завершился печально. Избранника певицы обвинили в шпионаже в пользу Запада и расстреляли.

Бог знает, почему власти поощали ее тогда. Сыграла ли свою роль необыкновенная популярность Максаковой в народе или кровавый Молох репрессий промахнулся не случайно?

Ходили упорные слухи, что Марию Петровну оставили в покое по личному распоряжению вождя — Иосиф Виссарионовича якобы был весьма неравнодушен к певице.

— Да, я слышала, что я — дочь Сталина, могли бы с таким же успехом сказать, что и государя-императора, — мрачнеет Людмила Максакова. — Вознесенский сочинил даже стихотворение "Дочь фараона"... Я не люблю такие разговоры.

дом удалось пробраться в Колонный зал через охрану. Маму волновало только одно: действительно ли это Сталин лежит в гробу, действительно ли он умер, не заменили ли его на двойника? Она была страшно близорука, сильно шуршила, но до последнего пыталась взглянуть в мертвое лицо.

Людмила Максакова родилась перед самой войной. Официально имя ее отца неизвестно — эту тайну Мария Петровна унесла с собой.

Кортонный домик

Война разрушила привычную жизнь Максаковых. Домом для Марии Петровны с дочерью, вернувшихся из эвакуации, первое время служил сарайчик, сложенный из ящиков изпод лед-лиза — американской военной гуманитарки.

— Интеллигенция обвиняла в войну. Меняли фамильные ценности на хлеб и пилили картошку. Кормила нас корова Бура. И мама лично обращалась к министру сельского хозяйства, чтобы выделил он нашей Буре сена. Перед разговором с министром мама со своей ученицей пошла в единственный в Москве "Коктейль Холл", что был тогда на Горького, и для храбрости выпила рюмку "Шартреза".

В старой квартире в Брюсовском переулке — вскоре его переименовали в улицу Неждановой — все было по-прежнему. Здесь как бы сосуществовали две параллельные вселенные. Одна из них — детская, Людмила, с невинными проказами и благоговейной тишиной по утрам: "Тише, детка, мама отдыхает!" Девочку воспитывали в строгости. Чуть ли не до окончания школы она, коренная москвичка, не знала ни одной столичной улицы и могла заблудиться в соседнем дворе.

Другой мир — взрослых, состоял из полных маминых воспоминаний из театра, актерских посиделок и сладкого послесвечения духов "Красная Москва". "Не такие плохие духи, кстати!" — убеждена Людмила Васильевна.

Казалось, что так будет всегда. Но в 1953 году Максакову без объяснения причин уволили из Большого театра. Тоску по работе она заглушила дальними дорогами и постоянными гастролями.

И все-таки она победила! В 1956 году Максакову попросили снова петь Кармен. Толпа, искавшая возле Большого лишние билетки, скандировала при ее появлении: "Максакова! Максакова!" — это было лучшей наградой.

Перед смертью Мария Петровна почти беззвучно прошептала Людмиле: "Дай твою ручку, поглажу!". Как будто предчувствовала: тяжело придется в жизни ее единственной дочери.

ЛЮДМИЛА

Тепличная девочка

А начиналось все просто замечательно: учеба в Центральной музыкальной школе по классу виолончели среди таких же, как и она сама, детей знаменитостей. Затем еще четыре года в Шукшинском училище. После его окончания Людмила сразу взяла в Вахтанговский театр и поручили главные роли в спектаклях "Живой труп" и "Принцесса Турандот".

Снималась Людмила и в кино — с Владимиром Высоцким и Олегом Дальем в "Плохом хорошем человеке", в "Осени" Андрея Смирнова, в "Летучей Мыши". Гораздо позже будут старая дева Эмили Брент в "Десяти негритах" и Барыня у Юрия Грымова в "My-Mu".

— Одну роль я потеряла. Андрей Смирнов позвал меня на картину "Белорусский вокзал". Моему сыну Максиму было всего 7 дней. Звонила ассистентка режиссера и сказала, что Андрей умоляет меня сняться у него. Она сказала: "Я приду и буду няней". Но я на это не пошла.

Первым мужем Людмилы Максаковой стал художник Лев Збарский. Но "семейная лодка разбилась о быт" — они разошлись, и Збарский уехал в Нью-Йорк.

— Как тогда говорили, "эмигрировал". Он уехал, потому что — как я считаю — у нас не сложилась жизнь. Но это моя

версия. Она может быть и ложной. — неохотно объясняет Максакова, — расставаться с человеком трудно, особенно когда есть ребенок.

Это трагедия для всех и всегда. И кто возражает, что это не так, — я таким не верю. Наше расставание было мучительным, и до сих пор оно является незаживающей раной.

Со своим вторым мужем — немецким бизнесменом Петером Игенбергом — Максакова познакомилась случайно, в гостях у подруги. Он пошел ее провожать и в первый же вечер предложил ей выйти за него замуж.

— Я так испугалась, что помчалась вверх по лестнице и поскорее захлопнула дверь, — рассказывает актриса, — я дрожала еще года полтора. Но потом рассудила, что у меня маленький сын, которому нужен отец. Кроме того, став официальной женой, а не романтической подругой, я приобрела защиту немецкого государства.

"Я выброшусь с сыном из окна!"

— Я считаю, что папа ее добился, — говорит Маша, — он безумно влюбился в маму с первого взгляда. Папа — стайер по характеру, бежит на длинные дистанции. Очень целеустремленный, целенаправленный, систематичный. Я знаю, что, даже если гора на пути станет, папа не свернет, он ее продолбит.

Петер Игенбергс — физик по образованию. Его ученик по плазменной физике штудирует в немецких университетах. Как считает Людмила Васильевна, ее встреча со вторым мужем была предопределена. Слишком уж много совпадений на их жизненном пути: отец Петера, как и дед Максаковой, был управляющим в судоходной компании, в роду Игенбергсов есть прибалтийские и русские корни.

Стоило Максаковой выйти замуж, как она оказалась в опале. Тепличная пора в ее карьере закончилась. Предложенный сниматься в кино не поступало, напряглись отношения в театре. Мария Петровна к этому времени была уже смертельно больна, а тут еще одно несчастье — мужа, Петера, выкинули из СССР. Конечно, Людмила Васильевна могла повиниться перед властями, покивать на заслуги матери, поуняться, но фамильная гордость не позволила...

— Мама из другой эпохи пришла. Она — словно цветок гиза. Он не популярен в нашей стране, везде красная гвоздика. Очень сложно ей было жить с ее утонченной душой. Она не вписывалась в типаж "рабочий и колхозница", который требовался в то время, — рассуждает теперь 23-летняя Маша.

— Старые знакомые опасались со мной общаться. Зато сразу появилось много новых "друзей", которых я до этого вообще не знала. Они что-то выпрашивали у меня, крутились рядом. И исчезали так же стремительно, как появлялись. Я боялась находиться в собственной квартире, потому что чувствовала, ее прослушивают.

Другого выхода у Людмилы Максаковой, кроме как пригрозить своим мучителям, не оставалось.

— У меня на руках умирающая мать и маленький сын. Если моему мужу немедленно не разрешат вернуться, я возьму сына, поднимусь на 9-й этаж и выброшусь из окна, — Максакова положила телефонную трубку на рычаг — как с обрыва в реку нырнула. Она разговаривала с приемной МИДА, с личным помощником министра иностранных дел Андрея Громыко.

Удивительно, но через два дня после этого заявления Петера впустили в СССР. Он ворвался в квартиру в полночь, всего за пару часов до смерти Марии Петровны.

Больше Людмила с мужем никогда надолго не расставалась.

МАША

Папина антреприза

Никто из них даже не обсуждал имя новорожденной дочери — конечно, она могла быть только Марией Петровной Максаковой.

— Я — папина антреприза, — смеется Маша, — он очень хотел ребенка. Я родилась в Мюнхене. Папа утверждает, что когда он привез меня в первый раз в нашу старую квартиру и положил на кровать, то случайно посмотрел на бабушкин портрет на стене — она улыбалась.

Мать и дочь Максаковы неуловимо похожи. Они словно дополняют друг друга. Закончился 2000 год — год Дракона и Людмилы Максаковой. Наступил 2001-й — год Маши и год Змеи. "Мы с дочерью обе чешуйчатые", — шутит актриса. Они даже мыслят одинаково — одна начинает предложение, другая его заканчивает.

— Никита Сергеевич (Михалков. — Е.С.) нас трех — меня, маму и бабушку — так и называет: матрешки Максаковы, — говорит Маша, — мы с мамой никогда не спорим, не ругаемся, не пытаемся отстоять каждый свое мнение — у нас оно одно на двоих. У нас с мамой даже друзья дома общие.

В театральных кругах Москвы Людмила Максакова слывет одной из самых элегантных и непредсказуемых женщин. И, как говорят, самой язвительной.

Общаться с ней — занятие не для слабоверных. Не зря меня предупреждали о ее изменчивом характере. В ней сразу чувствуется какая-то двойственность. Этот трудносочетаемый сплав — силы и нежности, волевого, почти мужского подбора, пронзительного взгляда и ласковой интонации, когда она разговаривает с близкими по телефону: "Извини, котенок. У меня журналисты. Я через часок перезвоню".

И тут же нам ледяным тоном:

— Если бы на моем месте была Марлен Дитрих, она бы выкинула вас за дверь. Меня не предупреждали, что будет фотограф. Я не успела подготовиться. Дитрих обычно готовилась к съемкам четыре часа. Поэтому она и в сто лет выглядела великолепно, — последние слова доносятся уже из ванной, где Максакова мгновенно наводит макияж. Очевидно, она все же решила не выгонять нас на мороз — а может быть, просто вышла из образа Марлен Дитрих — в этой роли ее увидел Юрий Любимов.

Максаковой вообще часто предлагают сыграть дам с характером. В своей последней работе у Сергея Арцибашева, она — врач-психиатр Элизабет, которая кается перед своими детьми за все прошлые ошибки.

— К счастью, и это приятный момент в моей жизни, судьба распорядилась таким образом, что мы с дочерью Машей говорим на одном языке и занимаемся одним и тем же делом, — говорит Людмила Максакова. — Когда ребенок знаменитостей решает пойти по стопам родителей, говорят: это блат. На самом деле детям, которые родились в творческих семьях, не надо ничего объяснять. Они живут в атмосфере искусства и любви. Я сама тому пример. Уверена, что моя дочь тоже.

Маша пошла по стопам бабушки. В марте она дебютирует в "Новой опере" в партии Офелии. Но и мамин актерские гены тоже "сыграли" свою роль: Михалков взял младшую "матрешку" на эпизод в свой "Сибирский цирюльник", а недавно вместе с мамой она снялась в фильме "К славе" по рассказу Куприна, где сыграла оперную певицу. И кроме того, Мария... учится в юридической академии, говорит на шести языках.

Так что на личную жизнь у девушки времени практически нет. Да и запросы к претендентам на руку и сердце, прямо скажем, поражают своей оригинальностью: "Может, я бы и вышла замуж за Леонардо да Винчи... Да где его взять?"

— Будем клонировать! — подводит итог старшая Максакова.

В Брюсовом переулке — ему опять вернули старое название, только отбросили окончание "ский" — многое изменилось. "Наш дом был домом-эпохой, а стал домом-миражом. Старые жильцы умерли или разъехались. Новые следуют моде и делают евроремонт. Как можно жить на площади?" — горько шутит Людмила Васильевна.

И лишь в квартире Максаковых время будто застыло. В голубом зале с огромным эркером все то же неизменный старый буфет, круглый стол, старинные часы. На стене — портрет Марии Петровны Максаковой, основательницы актерской династии.

Эта семья как старинная шкатулка с секретом — открывается только для своих. Экзотичность Людмилы Максаковой, ее нелегкий характер и внутренняя сдержанность вполне объяснимы и оправданны. Слишком много ей и ее близким довелось пережить в XX веке, слишком тяжело далась им слава.

— И все-таки я ничего бы не хотела менять в этой жизни, — убеждена актриса. — Все получилось как нельзя лучше. Мой внук Петечка, сын Максима, как-то сказал мне: "Будем, Людмила, думать только о хорошем!" Я ему верю, он самый мудрый человек на свете, раз понял в девять лет то, до чего другие доходят целую жизнь".

Екатерина САЖНЕВА.

Максакова и Петер

12.1.01